

Янина Ярс

Новая душа Илоны Фет

Янина Ярс

Новая душа Илоны Фет

«Автор»

2026

Ярс Я.

Новая душа Илоны Фет / Я. Ярс — «Автор», 2026

Одна душа нарушает правила и вместо того, чтобы родиться, подселается в тело самоубийцы, думая, что так у нее больше шансов прожить счастливую жизнь. Но, помимо человеческих эмоций, которые сразу же выбивают ее из колеи, она сталкивается с суровыми традициями так называемых почетных семей, частью которых является женщина, в которую она подселилась.

© Ярс Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Янина Ярс

Новая душа Илоны Фет

Глава 1

Понедельник. Раннее утро.

Сейчас это не мое тело, но я уже в нем – подселилась чуть раньше, чем планировала, чтобы понаблюдать за будущей собой. То есть за ощущениями, которые в скором времени станут моими.

Первый вдох происходит стоя на табуретке перед окном. Я сжимаю прочную веревку руками и трясусь от негативных вибраций, исходящих изнутри меня же самой. Очень неприятное состояние! Неудобное!

Спутанные волосы висят черными колтунами и раздражают кожу на лбу и висках. Щеки зудят от слез. Скулы сводит от напряжения из-за сильно сжатых зубов, а из нижней губы идёт кровь, потому что она прокушена.

Почему все так плохо? Неужели отсюда нельзя почувствовать чего-то хорошего? Ну хоть чего-нибудь...

Вот!!! Шелковая, красная ночнушка достаточно приятная к телу! Но... Я почему-то не обращаю внимания на приятные ощущения. Я выбираю только неприятные. Я чувствую, что она жутко помята, и думаю о том, что ее вид напоминает бомжацкую вещицу, найденную на помойке.

Очень дискомфортно! Очень мерзко! Но очень привычно...

Не могу понять почему привычно... Неужели в человеческих оболочках всегда так себя чувствуешь? Не может быть! Я же жила в таких. Много раз. Все было по-другому! Или нет? Отсюда трудно вспомнить...

Продолжаю пытаться привыкнуть к своим будущим мыслям.

Думаю о том, что вид ужасный. И мой, и тот, что за окном, рядом с которым я стою на табуретке. Это вид с седьмого этажа. Вид с кухни. Вид на город, где со мной никогда не случилось ничего хорошего. В этом городе я страдала от самого рождения и до смерти, которая сейчас со мной произойдет.

Недовольство и сожаление.

Нет! Все-таки я не допускаю, что люди всегда так себя чувствуют. Просто это такой человек. Ее личность довела себя до угнетенного состояния и не может из него выбраться. Поэтому все так плохо. Но я это исправлю! Как только это тело станет моим, я вылечу эту личность от уныния и сделаю ее счастливой.

Мои будущие руки привязывают веревку к высокому карнизу. В памяти появляется мужчина, который его устанавливал. Он говорит, что карниз очень прочный и выдержит даже если на нем повиснуть. Несколько раз подергав со всей силы, понимаю, что мужчина из воспоминаний не врет...

Резко отстраняюсь от личности.

Не смотря на то, что я собираюсь заменить душу, живущую в этом теле, ее намерение кажется ужасным и неприемлемым, и мне совершенно не хочется, чтобы она сделала задуманное. Ведь, когда-то эта душа сама решила родиться в таких условиях, и самоубийство точно не входило в ее планы. Жаль, что сейчас она этого не помнит...

Покидать тело по собственному желанию из-за страданий, в принципе, никогда не входит ни в чьи планы. Это ошибка, о которой жалеет каждая душа, устроившая себе такой опыт. А отсюда – из твердого мира – это вообще кажется извращением.

Начинаю думать, как докричаться до другой души сквозь личность, чтобы она отказалась от своего намерения. Пусть лучше мой план по подселению провалиться, чем произойдет это самоубийство!

Но пока я ищу решение, становится поздно. Душа, прожившая в Илоне Фет все тридцать пять лет ее жизни, вешает свою физическую оболочку.

Зря! Скоро она вспомнит, кем на самом деле является, и ее нынешний поступок покажется ей несусветной глупостью, испортившей ее истинные планы. Потом она начнет жалеть, что оставила кучу опыта в воплощении, которое не дожила до конца, и сформирует себе еще более сложную жизнь, чтобы нагнать все, что упустила и добавить еще чего-нибудь... Лучше бы уж эту жизнь дожила!

Пока я сочувствую прошлой душе, ее тело начинает становиться моим.

Оставшись в нем одна, я запускаю все процессы жизнедеятельности заново, быстро нахожу ногами табуретку и вылезая из петли. Потом отвязываю веревку от карниза и застываю, уставившись в окно, пока энергии моей души трансформируются в воспоминания и привычки Илоны Фет.

Теперь будет сложнее отстраняться от мыслей и оценивать их со стороны. Теперь я полностью внутри. Ожидаемо! Человеческая оболочка – это хранилище информации, и любая душа, владеющая ей, получает все знания и опыт, которые там накопились.

Только изначально предполагается, что одна оболочка будет принадлежать только одной душе...

Да! По правилам нельзя вселяться в человеческое тело, которое уже кем-то поношено. Даже если я хочу прожить жизнь уже существующего человека, так называемого генетического персонажа, я все равно должна сама им родиться. Это может быть в том же мире и в том же времени, но я должна сама пережить зачатие, рождение и взросление. Должна сама вырастить личность, в условиях которой буду жить и чей опыт со мной останется после ее смерти.

Это сравнимо с человеческими театрами, где одну и ту же роль в разных показах, могут играть разные актеры. Только этот театр интерактивен, и предсказать, как повернется сюжет какой-либо его постановки практически невозможно, так как каждый персонаж сам создает свою жизнь. Из-за этого опыт одной души может в корне отличаться от того, что пережила другая, прожившая жизнь того же самого человека.

Только роли надо обязательно играть от начала до конца, то есть от рождения до смерти.

Однако, я решила нарушить это правило. Потому что случай Илоны Фет – особенный! Очень сложный. И душа, которая только что покинула это тело – далеко не единственная, кто потерпел фиаско в этой игре. Не знаю, кто первым придумал генетического персонажа Илону Фет, но еще ни одной душе не удалось воспитать в нем счастливую личность – эта женщина всегда мучается, пока не умрет. А умирает она всегда наложив на себя руки.

И чтобы ни делали души – меняли гены, зодиак, годы рождения – ничего не работает. Некоторые даже рождались ей по несколько раз, надеясь, что прошлый опыт обратится интуицией и подскажет, как избежать несчастной судьбы – все равно неудача.

Однако, кое-что никто еще не пробовал – перевоспитать личность, опираясь на свою высшую память, то есть на воспоминания о своих прошлых жизнях и о том, как все устроено. Но провернуть такое просто родившись – не получится, это возможно только если подселиться уже во взрослого человека.

Дело в том, что после входа в этот мир, весь опыт предыдущих жизней, а также сила, которую он в себе заключает, осознается душой только первые пять-шесть лет. Да и то не полностью.

После этого срока личность генетического персонажа твердеет и поглощает высшую память души. Не навсегда, конечно! Только до момента смерти тела. Но все же это случается. А поскольку все души приходят сюда через рождение, и в начале оказываются в крохотном

и беспомощном теле младенца, они не могут пользоваться своими силами в полной мере. А когда они подрастают, уже появляется личность и берет весь контроль в свои руки. Конечно, связь со своей высшей памятью можно держать через интуицию, но в этом мире мало кто умеет ей пользоваться.

Собственно, это и есть причина, по которой я нарушаю запрет на проживание в чужом теле. Так я обеспечиваю себе преимущество, которого не было у других душ – высшую память во взрослом теле! В ближайшие пять-шесть лет я могу осознанно ее использовать без всяких помех, потому что она ещё не поглощена личностью, при том мое тело уже адаптировано для свободного существования в этом мире. То есть у меня есть все, чтобы успешно добиться своей цели и стать счастливой в этом генетическом персонаже.

Правда, первые ощущения от пребывания в Илоне Фет, мне совершенно не нравятся. Я прожила много жизней, но чтобы чувства внутри ломались также больно, как кости... Такое со мной впервые! Я очень плохо себя чувствую. И морально. И физически. Даже хочется пере-думать.

Ужас!!! Я еще вселиться-то до конца не успела, а уже, буквально, все в этом теле, побуждает меня сделать тоже самое, что и предыдущая душа. Мысли и ощущения как будто уговаривают залезть обратно в петлю и умереть еще раз. Только насовсем. Чтобы больше не испытывать состояние скорби, сожаления и озлобленности на все вокруг.

Теперь я не уверена, что у меня будет пять-шесть осознанных лет, как у душ, приходящих сюда через рождение. Ощущая, как мои энергии превращаются в чувства, эмоции и переживания Илоны Фет, я понимаю, что времени гораздо меньше. Такое тяжелое восприятие способно поглотить осознанность всего за один-два года. Если не быстрее.

– Ты совсем дура? А ну-ка слезай оттуда! – Послышался голос моего мужа сзади.

Я делаю шаг и спрыгиваю с табуретки. Держа в руках свою петлю, я поворачиваюсь и смотрю на него. В отличии от меня, он хорошо выглядит. Высокий, подтянутый брюнет, с редко проглядывающей сединой. Правда, не выпавшийся... Но и не потрепанный, как я. В отличии от моей помятой ночнушки, его темно-синяя пижама выглажена донельзя. Только это не я ее гладила. Это была домработница, с которой он спит, когда никого нет дома. То есть никого, кроме меня. Я редко выхожу на улицу. Но ему это не мешает.

Интересно, зачем сегодня он встал в такую рань? Он же не работает по понедельникам! Может чтобы помешать мне умереть в его доме? Наверное, он услышал, как я выходила из комнаты и догадался, что я наложу на себя руки. Ведь я уже пыталась так сделать. На запястьях до сих пор порезы от ножа.

– Я еще раз повторяю. – Грубо говорит он. – Хочешь сдохнуть, сделай это не дома. Иди вон под машину прыгни! Или с моста! Мне тут еще с твоим трупом возиться не хватало!

Все правильно! Только не дома! Я чувствую невыносимую злость. Я ненавижу этого человека. Я всегда его ненавидела. И никогда не хотела быть его женой. И он этого не хотел. Нас вынудили пожениться наши родители ради благополучия наших семей. Моя семья – Фет, и его семья – Клин, договорились о нашем браке, еще до нашего рождения. И мы им не перечим. Мы делаем так, как они говорят. Мы отвратительны друг другу, но они говорят, что наш развод невозможен, и мы не разводимся.

Но я больше не могу! Я хочу все закончить. Я собираюсь заорать и наброситься на него. А потом взять нож и убить. Сначала его, а потом себя. Даже со своей свежей осознанностью мне невероятно трудно сдержать этот порыв.

До невозможности тяжелые ощущения! Из них как будто нельзя выбраться... Но почему? Почему я не могу их сбросить? И почему вообще их испытываю? Ответов нет!

Теперь мне становится ясно, что жизнь в этой личности будет сложнее, чем можно себе представить. Прошло десять минут, а мне уже тяжело себя контролировать. С такими темпами поглощение может наступить не то, что через пару лет, а уже через пару месяцев.

Нужно как-то освободиться от этих эмоций! Нужно как-то трансформировать их в другие! Нужно заставить личность Илоны Фет почувствовать себя иначе! Но как? Как это сделать? Она совершенно неуправляема!

Ее энергии так долго находились в этом ужасном состоянии, что застыли и перестали быть потоками. Они отвердели! Они стали, как огромные каменные глыбы! Их не то, что трансформировать, их невозможно даже сдвинуть! И сейчас они заполняют весь мой разум мыслями об убийстве, вытесняя все шансы выйти из ситуации не так, как запланировала личность этой несчастной женщины...

Но должен же быть какой-нибудь выход! Во Вселенной он всегда есть! А значит я должна его найти! Я же еще не до конца Илона Фет! У меня высшая память! Но... Почему она не работает? Почему я не понимаю, что делать? Как мне растворить эти каменные энергии?

Растворить! Если нельзя изменить застоявшуюся энергию, ее надо сначала растворить в другой! Но где я возьму другую? Рядом со мной только муж, а его энергии ничем не отличаются от моих. Они только усугубят ситуацию...

Ситуация! Нужно сломать ситуацию! Нужно повести себя так, как Илона Фет ни за что бы себя не повела. Тогда энергия запланированных действий освободится, и я смогу ей воспользоваться. Но что именно мне нужно делать? Чего бы ни за что не сделала Илона Фет? Как бы она не смогла себя повести? Все должно быть просто...

Я чувствую, как ответ на мой вопрос летает внутри моего сознания, но мои мысли всячески его избегают. Для личности Илоны Фет этот ответ настолько неприятен, что она не позволяет мне с ним встретиться. Для нее недопустимо решение, которое там содержится.

Приложив немалое количество усилий мне все-таки удастся поймать нужную мысль. Открывшееся решение действительно оказывается простым, но для человека, которым я становлюсь, сделать подобное очень сложно.

Невзирая на чудовищное сопротивление внутри меня, я беру себя в руки и говорю:
– Извини!

Илона Фет точно никогда бы такого не сказала. Особенно в таком состоянии. Особенно ему.

Игорь, так зовут моего мужа, потерял дар речи. Он был готов ко всему: к драке, к скандалу, к истерике, но только не к извинениям. Он не знает, как на них реагировать. Он не привык.

Я чувствую, как мне становится легче. Получилось! Сюжет, который мы должны были отыграть – сломался. Эмоции, которые я должна была испытать – сбросились. Энергии, из которых должна была состоять ситуация – освободилась. А вместе с ней, во мне, как будто, освободилось пространство для новых мыслей, и для ощущений, которые эти мысли могут принести.

– Ты... Я... Да ничего... – Замялся Игорь. – Но... Дома не надо... То есть... Вообще не надо.

Впервые за семнадцать лет нашего брака я вижу его таким. Он в смятении. Он собирался участвовать в скандале, но я вырезала скандал из нашей реальности и, теперь, он не понимает, что делать.

Мне нравится видеть его в таком состоянии. Я чувствую себя так, как будто я его победила. Для личности Илоны Фет это абсолютно новое чувство. Оно ей непонятно, но приятно. Оно как будто расширяет ее. И освобождает.

Я стараюсь уделить этому чувству, как можно больше внимания, чтобы его усилить и оставить при себе навсегда. Я смакую его. Я хочу продолжить разговор с Игорем по-новому... Не так, как обычно. Но, бац!!! Личность Илоны Фет снова затягивает узел своей ненависти. Во мне снова нарастает чувство отвращения к человеку, стоящему передо мной.

Да как же так?! Эта личность и правда невыносима! Она, как тюрьма!

Чтобы не доводить себя до состояния, из которого мне только что удалось выбраться, я медленно обхожу мужа и иду в свою комнату, унося петлю с собой. Он остается на кухне.

Глава 2

В моей комнате большая двуспальная кровать. Но она только моя. Кроме меня в ней никто не спит. У Игоря своя комната и своя кровать. Мы всегда так жили – разъехались по разным спальням сразу же после свадьбы, потому что ненавидели друг друга уже тогда. Конечно, иногда нам приходилось спать вместе, но это было по приказу родителей. То моих, то его. Когда кому-то из них был нужен очередной внук. Такое было шесть раз.

Да. Илона Фет родила шестерых детей, потому что так захотели родители. И все дети Илоны Фет носят фамилию Клин. И они все останутся Клин на всю свою жизнь. Даже девочки. Даже после замужества. Как я осталась Фет, они останутся Клин. Но дети моих дочерей будут носить фамилии своих отцов. Такой порядок в семьях подобных нашей. В так называемых почетных семьях.

А еще в таких семьях своих детей ненавидят. Не специально. Но так всегда. В каждом поколении. Личность Илоны Фет тоже испытывает раздражение по отношению к своим детям. Особенно, когда кто-то из них находится рядом и что-то от нее хочет. Но, пока я еще не до конца стала ей, я понимаю, что это не настоящая ненависть. Это защитная реакция от безысходности, чувства вины и страха.

Илоне Фет очень страшно любить тех, кому она дала жизнь. Сама того не понимая, она до ужаса боится испытать даже каплю материнской любви. Боится, что впустив в себя это ощущение, ее жизнь станет еще тяжелее. Потому что тогда, все чувства детей станут ее чувствами, и ее сердце будет разрываться каждый раз, когда им плохо. Она больше не сможет спокойно смотреть на их слезы. Станет сожалеть о том, что им, как и ей, приходится жить в условиях неадекватных традиций. И о том, что они вынуждены им следовать. Вина перед детьми будет пожирать ее каждый день, ведь это именно она родила их в этом браке. Она знала, что их будут воспитывать так же, как воспитывали ее, но все равно позволила им появиться на свет.

Удивительно, как человеческие существа искажают свои силы и превращают их в ненависть... Ведь если бы Илона Фет не отрицала свои материнские чувства, а доверилась бы им, у нее получилось бы сделать жизнь своих детей лучше, даже вопреки жестким семейным традициям. Но она не может им довериться. Она боится...

Точнее... Я боюсь...

Хорошо, что теперь мне это понятно. Своим пониманием я, буквально, наношу ущерб убеждению о том, что я ненавижу своих детей. И я уже чувствую, как это убеждение меняется. Теперь оно проложит путь для новых энергий, которые, в свою очередь, помогут измениться и мне. Это будет не легко. Это будет не сразу. Но это будет.

Я бросаю веревку на кровать, подхожу к окну и распахиваю шторы.

Ненавистный мне город на самом деле очень красиво смотрится...

Мне что... Нравится? Личности Илоны Фет только что понравился вид на город, который она на дух не переносит? Отлично! Значит высшая память уже работает мне во благо. Благодаря ей я способна замечать приятные для себя вещи, на которые раньше не обращала внимания. А это огромный шаг к тому, чтобы стать счастливой! Теперь главное сохранить этот навык, вырастить его и сделать доминантным.

Ощущая положительную эмоцию, несвойственную для моей новой личности, я решаю, что мне нужно найти, как можно больше вещей, которые будут меня радовать. И желательно сделать это как можно быстрее.

Может следует пойти в город и поискать что-нибудь там? А что? Время у меня есть. С детьми все равно будет сидеть няня, а Игорь только рад, если меня нет дома. Он мечтает, что однажды я уйду и не вернусь, но, к его сожалению, я редко куда-то выхожу. Сажу дома, даже

несмотря на то, что пока никто из наших родителей не навещает с визитом, мне можно вообще здесь не появляться. Как и ему.

Идея пойти в город очень сильно бодрит, и я решаю не медлить.

На своих новых эмоциях я открываю шкаф и начинаю подбирать платье для своего похода. Примеряя одно за другим, я кручусь перед зеркалом, не понимая какое из них лучше смотрится.

Не может быть! Это мне тоже очень нравится. Мне нравится мерить платья. И нравится, как мое тело в них выглядит. Оказывается, даже в этом доме, у Илоны Фет достаточно много моментов, которые можно считать приятными. Просто этими моментами не пользовались.

В прошлом я никогда специально не выбирала, что надеть, а просто доставала любую одежду и цепляла ее на свое тело. Мне было все равно в чем страдать каждый день.

Но с этого момента будет по-другому! Я буду обращать внимание только на радостные аспекты моей жизни! И у меня уже получается!

Спустя какое-то время, я определяюсь с нарядом, причесываюсь, крашусь, беру сумку и продвигаюсь к выходу, как вдруг... Снова бац!!!

Мое тело замирает около двери одной из детских комнат. Я редко туда заглядываю. Почти никогда. Но сейчас меня, буквально, тянет это сделать. И тянет очень сильно. Настолько сильно, что начинает казаться, что у меня нет выбора.

Но почему так происходит? Неужели из-за того, что я порассуждала на тему материнства? Если так, то зря я это сделала... Надо было повременить бы с этой темой. Потому что я еще не готова. Мне еще рано туда входить.

Прежде, чем я начну сблизиться с детьми, я должна научиться контролировать свой внутренний мир, должна освободиться от негатива и обрести радость, которой смогу с ними поделиться. Только после этого мне будет можно открыть эту дверь.

Если же я сделаю это сейчас, то вся боль и все сожаления, запечатанные личностью Илоны Фет, вырвутся наружу и снесут все мои планы в секунду! Мне нельзя такого допускать, иначе я не успею перевоспитать эту личность до того, как она поглотит высшую память! Я потерплю неудачу, как и другие души!

Уговаривая себя идти, куда шла, я обещаю себе, что загляну туда в другой раз. И что буду заглядывать каждый день. Только не сегодня... Сегодня мне еще нельзя. Сегодня я ещё не счастлива. У меня нет счастья, чтобы им делиться.

Однако все доводы оказываются бесполезны – я не двигаюсь с места.

Не понимаю! Почему тело не слушается моих мыслей? Почему оно по-прежнему стоит у двери и смотрит на ручку?

Это невозможно! Это что-то из ряда вон выходящее! Физическая оболочка должна подчиняться мыслям! Так всегда было в подобных мирах! А сейчас все мыслительные потоки, которые проходят через это тело – мои! И я совершенно точно не думаю о том, чтобы тут стоять! Так почему стою? Что происходит?

Застывшая в одном положении, я продолжаю копаться в себе. Пытаюсь заметить хоть какой-нибудь намек на мысль, не отпускаящий меня отсюда, но ничего не получается.

Очень похоже на отрицание...

Неужели человеческое существо способно настолько отрицать свои мысли, что те становятся невидимыми, но при этом продолжают управлять оболочкой? Получается так! Но как же тогда их вычислить? Как распознать энергию, из которой они состоят?

Может через ощущения? И что же я сейчас ощущаю? Только одно... Желание заглянуть к детям... Я буквально вижу, как я это делаю – представляю, что моя рука поворачивает ручку и я захожу...

Стоп! Вижу? Представляю? Ну, конечно же.

Я настолько увлеклась изучением мыслей, что совершенно забыла про образы, которые они излучают, и за которыми прячутся! А в этом мире образы имеют гораздо большее влияние на поведение человека, чем что-либо еще.

Я воображаю себя открывающей дверь! Вот где мои мысли! За этим образом!

Получается, что когда я впустила в личность Илоны Фет идею о ее сближении с детьми, эта идея натворила фантазий о том, как все будет происходить. И как только я оказалась около детской, фантазии учуяли возможность своей реализации и стали ломиться в реальность. Они оказались слишком близко к физическому воплощению, что сделало их намного сильнее всех остальных мыслей! Поэтому остальные мысли и не работают. И поэтому я не могу сдвинуться с места. Пока я представляю, как войду в детскую, у меня, в принципе, не получится сделать что-то еще.

Усилием воли я перевожу свое внимание на воспоминание вида из моего окна и перестаю представлять, как открываю дверь в детскую. И... Ура! Мне, наконец-то, удастся уйти.

Я иду по коридору и понимаю, что моя голова только что чуть не взорвалась от сложных мыслительных процессов. Как душе, мне легко все это принять, но для физического мозга такое кажется очень утомительным. Несмотря на это я радуюсь, что мне удалось вычислить ментальную цепь, которая держала меня около детской. И что удалось от нее освободиться.

Я обуваюсь, выхожу из квартиры и спускаюсь на улицу.

Не знаю, куда именно я собираюсь, но можно вызвать такси... Хотя нет. Любое закрытое пространство и неподвижная поза будут способствовать каким-нибудь угнетающим мыслям. Слишком уж много во мне застоявшихся энергий, которые их вызывают.

Значит в машину нельзя. Значит надо идти пешком. Надо двигаться. Движение поможет расшевелить эти энергии, а в перспективе еще и переработать. Но...

Я не хочу идти пешком. Пешком долго. Пешком далеко. Пешком, я устану. Я ненавижу ходить пешком! Что же мне тогда делать? В машине мне будет плохо! И пешком будет плохо!

В мое состояние врывается та же самая безысходность, которую я ощущала, когда стояла на табуретке с петлей в руках. Встряхнув голову, я кладу руки на уши и закрываю глаза.

Невероятно! Несколько секунд назад я была довольна, а теперь снова погрязла в негативе. Все-таки человеческое внимание очень быстро переключается на свои доминантные ощущения. А у моей новой личности они все вредоносные...

Вопреки нежеланию, я начинаю идти пешком через силу. Каждый мой шаг сопровождается назойливым нытьем моих мыслей, которые просят вызвать такси. Но я сопротивляюсь. Знаю, что если вызову, все станет еще хуже – я начну ругать себя за то, что отказалась расширять свои энергии с помощью шага, потом стану винить себя за это, потом жалеть, а потом придет моя тяжелая подружка – депрессия, со своей свитой самогнбления и ненависти, и проглотит мою высшую память раньше планируемого срока. Поэтому нет! Никакого такси!

Но руки снова и снова продолжают тянуться к смартфону, лежащему в сумке, чтобы открыть приложение для вызова...

Я же сказала “нет”!!! Почему я себя не слушаюсь? Опять какое-нибудь отрицание? Абсурд! “Ходить” – это самый естественный физический процесс для человека! Что тут можно отрицать?

Я замечаю, что мое возмущение превращает тревогу в гнев. Это хорошо. Гнев по частотам выше тревоги... Выше уныния. Из гнева, конечно, тоже трудно выбраться, но, в отличие от унылых мыслей, которые буквально являются топью, гнев проявляется вспышками, которые достаточно быстро рассеиваются. И от гнева легче избавиться с помощью движения, чем от печали.

Я ускоряю шаг и чувствую, как становится немного легче. Я еще ускоряю шаг. И еще. В какой-то момент я начинаю бежать. Прямо в платье и туфлях. Физически это очень неудобно,

но зато так легче справляться с эмоциями. Я чувствую их в себе, но им не удастся меня поглотить, потому что они работают над другой задачей. Они придают моему телу ускорение.

Теперь я знаю почему люди бегают по утрам. Бег – отличный способ изгнать ненужные мысли из своей головы. А бегающие люди не выпендриваются, как моя личность думала раньше, они просто чистят свое энергетическое поле от негативного мусора.

Через какое-то время у меня начинают болеть ноги, и я перехожу обратно на шаг. Появляется одышка и невыносимо хочется пить. Неприятно... И как будто даже больно. Приходится остановиться. Я облакачиваюсь рукой на стоящее рядом дерево и продолжаю задыхаться. Ноги болят еще больше. Плечо чудовищно устало от сумки. Создается впечатление, что это тело все-таки умрет сегодня. При чем прямо сейчас.

Да уж. За свою жизнь Илона Фет не испытывала ничего кроме страданий, но такого с ее телом еще не происходило.

Постепенно дышать становится легче. Я вижу автобусную остановку и ковыляю в ее сторону, чтобы сесть. Больше мне не страшно оказаться в неподвижной позе. Я уверена, что теперь неподвижная поза не будет вызывать во мне угнетающие мысли, а наоборот – доставит мне удовольствие.

Я добираюсь до остановки и сажусь. О, да! Это и правда удовольствие. Никогда не думала, что сидеть может быть так приятно. Это же счастье! Наверное, мне тоже стоит бегать по утрам. Хотя бы ради того, чтобы сидеть после пробежки.

Пока я наслаждаюсь тем, что больше не наступаю на ноги, до меня доходит, почему я себя не слушалась. Запрещая себе вызывать такси, по сути, я все равно думала о такси. И конечно же эти мысли пытались реализоваться. Так же, как и мысли о двери в детскую.

Сейчас я тоже думаю о такси, но уже по-другому. Из-за того, что я устала, такси воспринимается, как помощь в передвижении, а не как опасность увязнуть в угнетающих мыслях...

Да ну! Так просто? Стоит чуть-чуть изменить обстоятельства и посмотреть с другого ракурса, и то, что могло уничтожить, становится спасением? Получается, что обратить плохое в хорошее можно в любой момент? Просто нужно немного поднапрячься? Интересно, как люди умудряются об этом не знать? Как я умудрилась об этом не знать? Прожив миллионы жизней в мирах подобных этому, я должна была такое помнить! Видимо личность уже начала поглощение...

Ну ладно! Главное, что теперь я это понимаю! Отлично! Но дальше я все равно пойду пешком. Отдохну и пойду. Именно благодаря тому, что я шла, мне удалось открыть что-то новое для мыслительных процессов Илоны Фет, и я намерена продолжать.

Если я поеду, убеждение может перевернуться обратно, когда пройдет усталость! Не буду рисковать. Пусть у меня болят ноги и плечо, я пойду.

Через какое-то время, я снова иду по дороге вперед, и снова чувствую, как что-то внутри начинает меня расстраивать. Потом душишь. Что на этот раз? Снова копаюсь в своей голове и... Не может быть!!! Та же самая фантазия о детской! В которой я открываю эту гребанную дверь... Только, в первый раз эта фантазия всего лишь пыталась себя воплотить, а теперь она дерет меня сожалением, что я этого не позволила.

Неужели это происки идеи, что я могу стать хорошей матерью? Она пытается меня наказать за то, что я ей перечу, и вместо того, чтобы быть дома со своими детьми, иду непонятно куда в надежде найти непонятно что?

Ведь хорошие матери так не делают...

Эта мимолетная мысль становится ключом, открывающим мой личный ящик Пандоры! В один момент все мои мысли превращаются в рассуждения о хороших матерях и о том, что я к ним никак не отношусь.

Потому что хорошие матери не откладывают любовь и заботу на потом, как это делаю я сейчас. Они просто любят и просто заботятся. Всегда.

Если бы я была хорошей матерью, я не стала бы сопротивляться своему желанию, а просто пошла бы и открыла эту дверь... Если бы я была хорошей матерью, я бы подошла к своим детям и поцеловала бы их... Если бы я была хорошей матерью, я бы не оставила их с няней, у которой они целыми днями ходят по ниточке и боятся вздохнуть. Я бы осталась с ними. Или взяла бы их с собой.

А я ушла. Я их оставила. Оставила в неприятных условиях, чтобы найти приятные для себя... Разве после такого я могу надеяться, что когда-нибудь стану хорошей матерью? И вообще я могу считать себя матерью? Нет, не могу! Но, возможно, смогу, если все исправлю... Если вернусь и зайду в детскую. Может правда вернуться обратно? И остаться дома? Даже если мы, как всегда, не будем проводить время вместе, я хотя бы буду находиться рядом...

Я почти поворачиваю в обратную сторону, но, к счастью, включается моя высшая память. Так! Стоп! О чем я опять думаю?

Не успела я испытать радость от того, что смогла прогнать от себя нежелательную фантазию, как она тут же вернулась и набросилась на меня с другим эмоциональным зарядом. И чуть все мои планы не разрушила. Невероятно!

Никаких возвращений домой! Если я вернусь, ничего не поменяется! Пока я не умею быть счастливой, не умею радоваться, не умею надеяться на лучшее – я ничего не могу дать своим детям. Но если я этому научусь, то и у них появиться такой шанс.

Как же сложно устроен человек! Теперь мне ясно, почему в подобных мирах принято рождаться нулевыми. Так легче приспособливаться ко всему этому кошмару и не сходить с ума.

Без физического тела все кажется таким очевидным – просто надо думать о том, что хочешь, и все будет. Но как только становишься человеком, оказывается, что думать в определенном направлении не так уж и просто. Человеческое внимание очень сильно любит цепляться за всякую дрянь и отвлекаться от того, что действительно важно.

Надо как-то научить себя концентрироваться. Или хотя бы переключаться с угнетающих мыслей на менее разрушительные.

Порассуждав, я прихожу к выводу, что главные помощники в этом деле – физические ощущения. Потому что даже будучи поглощенной темой своего неудавшегося материнства, небольшая часть моего внимания постоянно отвлекалась на нарастающую ноющую боль в ногах.

Надо этим воспользоваться! Надо думать об этой боли, чтобы не вспоминать ни о чем другом, пока я не найду для себя какое-нибудь радостное событие.

Полностью переключиться с ментальной боли на физическую оказывается не сложным. Буквально в течении минуты все мои мысли начинают принадлежать только моим несчастным стопам.

Это все туфли! Они невыносимо неудобные! В них просто невозможно долго куда-то идти. А я ещё и пробежалась... Надо было надеть другую обувь. Правда, я не уверена, что она оказалась бы удобнее, чем эта – я же никогда в ней долго не ходила и уж тем более не бегала. Я даже не знаю была ли у меня когда-нибудь по-настоящему удобная обувь! Может и не было! Может поэтому я так не люблю ходить? Потому что заранее знаю, что мне будет неудобно! Тогда зачем я покупаю такую обувь? А! Ну да! Так принято у всех несчастных личностей. Мы всегда выбираем что-то неудобное, что нам абсолютно не нравится, лишь бы соответствовать тем, кому, на самом деле, тоже это не нравится. Глупость, но правда.

Надо добраться до какого-нибудь магазина и купить себе удобную обувь!

Я чувствую, как от решения сделать покупку мне становится легче. Я как будто сбрасываю с себя очередной груз. Все так просто? Я действительно могу облегчить себе жизнь всего лишь зайдя в магазин? Выходит, что да.

Хорошо, что у меня нет проблем с деньгами. Пока я живу по правилам своей семьи – я обеспечена, и могу тратить на себя практически любые суммы.

Деньги, конечно, не являются счастьем в этом мире, но денежные энергии отлично прочищают пути к свободному мышлению, а свободное мышление способно воплотить любой желаемый сценарий жизни.

Еще одна упущенная возможность Илоны Фет. Имея практически неограниченную финансовую свободу, я умудряюсь загонять себя в рамки, в которых она не имеет никакой ценности. Ну и личность у меня!

Ладно. Теперь все будет по-другому! Сейчас же пойду в магазин и куплю себе самую удобную обувь, которая мне понравится. А ту, что на мне – выкину.

Глава 3

Я добираюсь до ТЦ. Ноги уже болят настолько, что, оказавшись внутри, я не дохожу до магазина, а сажусь на первую попавшуюся скамейку. Облегчение. Как же приятно просто сидеть! Как же приятно не наступать на ноги! Ориентируясь на свои телесные ощущения, я понимаю, что есть еще кое-что приятное, что я могу для себя сделать – разуться. В общественном месте это недопустимо, но я беру волю в кулак и позволяю себе такой поступок.

Да! Это прекрасно! Хорошо, что я себе позволила.

Удовольствие длится не долго. Уже через несколько секунд моя личность начинает терзать меня невыносимой неловкостью и уговаривает надеть туфли обратно. Но я сопротивляюсь! Чтобы измениться, я не должна потакать устоям, сформировавшимся в Илоне Фет до моего подселения.

Пытаясь отвлечься, я направляю все свои мысли к физическим ощущениям, то есть на свои гудящие ноги. Но все старания тщетны – мне все равно хочется провалиться сквозь землю. Чувство позора никуда не уходит.

Личность Илоны Фет оказывается настырной. Мало того, что она не позволяет полностью отклеить внимание от людей, которые на меня смотрят, так еще и пытается стореть со стыда каждый раз, когда я замечаю на себе чей-то взгляд. Но пусть внешне мне удастся делать вид, что все в порядке, внутри я уже готова сдаться.

Мысленно упрасывая ноги отдохнуть побыстрее, чтобы наконец-то добраться до магазина и закончить эти ментальные пытки, я опускаю голову и смотрю на свои напедикюрные ногти.

Красиво! Мой ногтевой мастер хороша! Она приходит ко мне на дом каждые две недели. Я бы уже давно не приглашала бы ее, но моя мать не позволяет не себя запускать. Она требует отчетов о том, как я выгляжу. А моя бабушка требует такого же от моей матери. А я должна буду требовать этого от своих дочерей...

Начав непроизвольно двигать пальцами вверх-вниз, я разглядываю мозоли, которые успела натоптать, потом перевожу взгляд на туфли и понимаю, что не хочу их надевать даже для того, чтобы добраться до магазина. Я вообще больше никогда не хочу их надевать. Ни на минуту.

Может мне босиком дойти? О, нет! Это ещё что за мысль? Это уже слишком! К такому я точно еще не готова. Да никто и не пустит меня в магазин без обуви! И хорошо, что не пустят. А то мало ли...

Не успев отойти от своей босоногой идеи, я начинаю ощущать какое-то чересчур сильное осуждение со стороны. Это тоже чей-то взгляд, но он не похож на остальные. Он очень тяжелый и осязаемый. Его обладатель не просто смущает или стесняет, он как будто выворачивает меня наизнанку. Я чувствую его всем своим существом – и кожей Илоны Фет и вибрациями своей высшей сути. Но разве такое возможно в этом мире?

Мне становится страшно. Я начинаю судорожно вертеть головой, пытаюсь найти откуда исходит этот негатив, и сталкиваюсь глазами с охранником ТЦ, который стоит на входе. Это мужчина лет сорока. Высокий. С невероятно угрожающим видом. Он застыл в неподвижной позе и смотрит на меня исподлобья. Только... Он смотрит... Не на Илону Фет... Он смотрит на меня! На душу... Я не знаю, как это объяснить, но это точно так.

Бред! Невозможно! В этом мире никто не может видеть обнаженную душу. Только одетую в личность. Скорее всего мне просто кажется, что он смотрит на меня именно так. А на самом деле все иначе! Да! Точно! Если бы он действительно смотрел на душу, то я бы не испытывала никакого страха, потому что, как душе, мне не может быть страшно. Страшно может быть только личности. Наверное, из-за того, что я вселилась во взрослого человека, поглощение высшей памяти происходит с изъятиями, и мое восприятие других людей – один из них.

Пока я пытаюсь найти объяснение своим ощущениям, охранник срывается с места и, не отводя от меня глаз, идет в мою сторону. Страх начинает отображаться в теле все больше – я слышу учащенный стук своего сердца.

Взяв в руки туфли, я резко встаю и делаю два быстрых шага в противоположную от охранника сторону. Но он уже слишком близко. Он ловит меня за локоть и подтягивает к себе. Наши взгляды опять встречаются.

– Зря ты это сделала! – Говорит он мне.

Меня начинает трясти. Неужели он про мое вселение в тело Илоны? С такой злостью... Очень страшно! Но почему? Чего я так боюсь? Обычно, самый большой страх людей в этом мире – это смерть. Но Илона Фет не боится смерти, даже наоборот, она ее жаждет. А я тем более. Я и так душа. Даже если он убьет меня прямо сейчас, я просто потеряю тело и вернусь в межпространство.

Или нет? Вдруг для душ тоже бывают наказания? И за то, что я сделала... Не может быть! Это чушь. Я слишком много жизней прожила, чтобы в такое поверить. Если бы меня можно было наказать за нарушение правил какого-нибудь мира, я бы точно об этом знала.

Правда, раньше я никогда не нарушала правил... Значит могу и не знать... Тьфу, ты! Нет никаких наказаний. Это личность этой самоубийцы опять меня запугивает! А охранник может вообще не про вселение... Может он... Про туфли! Конечно!!! Он говорит про туфли! Снимать обувь в общественном месте неприлично!

– Вы про туфли? – Нервно спрашиваю я, надеясь на то, что он ответит “да”. – Извините! Я их сейчас же надену!

– Ты прекрасно меня поняла! – Грубо отвечает охранник. – Ты не должна ей быть!

– Чт...

От смятения у меня не получается произнести слово до конца. Мое горло пересыхает, а тело застывает точно так же, как утром на табуретке.

Он не про туфли! Он, действительно, про мое вселение в Илону Фет! Но как? Как он узнал, что я не рождалась в этом теле? А самое главное какая ему разница рождалась ли я в нем или нет?

Я хочу спросить, кто он такой, но не могу выдавить из себя ни звука. Язык не поворачивается, в горле – ком, а стук сердца так громко бьет по ушам, как будто оно поменялось местами с мозгом и переместилось в голову.

– Ты должна немедленно уйти! – Продолжает говорить охранник, сильно сжимая мой локоть. – Выбери самый гуманный способ и умри сегодня же!

Паника усиливается. Я поддаюсь инстинктам личности и пытаюсь вырвать у него свою руку, которая уже немеет от того, что ее сильно зажали. Не получается. Звать на помощь тоже не получается – мой рот по-прежнему нем. Хаотично дергая свое тело, в надежде освободиться от этого непонятного человека, я начинаю плакать.

Охранник наконец-то отпускает локоть, который я уже почти не чувствую, перехватывает меня за плечи и встряхивает все мое тело.

– Ты меня поняла? – Огрызается он.

Из-за встряски я перестаю брыкаться и замираю. Молча уставившись на него своим заплаканным лицом, я чувствую, как его злит мое молчание. Но слов так и нет. Страх слишком глубоко проник в мое тело.

Поскольку голос остается недоступным, я решаю ответить охраннику с помощью жестов. Только не успеваю определиться, что именно я хочу до него донести: что я все поняла и убью себя в ближайшее время, или что я не собираюсь исполнять его указания. Из-за неопределенности я начинаю то кивать головой, то отрицательно ей вертеть.

– Прекрати! – Снова трясет меня охранник. – Отвечай, на вопрос!

От его трясок у меня появляются сильные тошнотворные реакции. Они настолько неприятны и невыносимы, что бьют мне по мозгам и полностью меняют мое состояние. Страх превращается в возмущение. Даже в бешенство. Кем бы ни был этот человек, он не имеет права так себя со мной вести. И уж тем более не имеет права чего-то от меня требовать. Ни, как от личности, ни как от души. Я не обязана терпеть его нападки! И больше не собираюсь этого делать!

От злости у меня появляются силы и возвращается моя способность разговаривать. Я вырываюсь из его рук и отвечаю почти криком.

– Не смей меня трогать!

Агрессия охранника становится больше. Он пытается снова меня схватить, но на этот раз терпит неудачу.

Не прекращая попыток, он продолжает настаивать на своем.

– Просто послушай совет! Уходи! Сама! Если они тебя заметят, ты пожалеешь!

Я не понимаю, что за бред он несет! Может его душа сошла с ума от частого пребывания в твердых мирах? Даже если и существуют какие-то “они”, которые могут меня вычислить, то им все равно не сделать со мной ничего такого, чтобы я пожалела о своем вселении! Но я все равно хочу знать о ком он говорит.

– Кто “они”? Кто меня заметит? – Спрашиваю я, уворачиваясь.

– Если не умрешь, то узнаешь! – Отвечает охранник. – И пожалеешь!

– Если хочешь, чтобы я умерла, сначала объясни! – Кричу я в полный голос.

Мой крик обращает на нас внимания достаточно большого количества людей. Охранник быстро оглядывается по сторонам и начинает оправдываться перед посетителями ТЦ, говоря, что произошло недоразумение.

Пока он это делает, я пытаюсь решить, чего хочу больше: как можно быстрее от него убежать, или остаться и задать ему миллион вопросов. Любопытство моей высшей сути побеждает, и я остаюсь стоять на месте.

Успокоив людей, охранник снова подходит ко мне.

В его глазах появляется разочарование. Наверное, он рассчитывал, что напугает меня и я сразу же побегу умирать, а я, такая непокорная, сопротивляюсь и пытаюсь узнать причину, из-за которой, он хочет, чтобы я себя убила.

Неожиданно он говорит.

– Думаешь, что они тебя просто убьют и ты вернешься в межпространство?

Я снова остолбенела. В смысле “думаю”? Я не думаю! Я знаю! Я миллионы раз умирала в твердых мирах и миллионы раз возвращалась в межпространство!

Охранник начинает нервно посмеиваться.

– Этого не будет! Слышишь? Не будет!

Мое недоумение снова зашкаливает. Что он имеет в виду, когда говорит, что этого не будет? Чего именно не будет? Не будет того, что меня просто убьют? Не будет простой смерти?

Ну, допустим! Если те самые “они” – это какие-то души со спятившими личностями, которые убьют меня не “просто”, а например, зверски, тогда да! Тогда я действительно на какое-то время пожалею, что вселилась в человеческое тело, потому что начну испытывать физическую боль. Но потом, после выхода из тела, все испытанные ощущения, в том числе моя мучительная смерть, начнет восприниматься, как очередной мимолетный опыт. Ни о каком сожалении не будет и речи!

Или... Он имел в виду то, что я не смогу вернуться в межпространство? Это уже интереснее! Навсегда изолировать душу от межпространства невозможно, только отсрочить ее возвращение. Но для этого душа сама должна была запланировать себе такой опыт перед воплощением и настроить генетического персонажа так, чтобы после смерти тела, личность продолжила жить в другом пространстве, типа какого-нибудь ада или рая, или чего-то подоб-

ного. Но насколько я знаю, душа, которая была Илоной Фет до ее самоубийства, такого не планировала. А значит никаких коридоров в другие измерения после смерти, у генетического персонажа Илоны Фет быть не должно.

Но даже если это так! Даже если из этого тела можно выйти только в какое-то жуткое измерение, то пребывание там все равно не будет вечным. И я буду жалеть о содеянном только пока не отживу ту посмертную жизнь. А потом все равно вернусь туда, откуда пришла. Так о чем же говорит этот человек?

И вообще! Как так вышло, что он помнит про межпространство? И почему помня о межпространстве, он забыл о том, что в итоге, всякая душа туда возвращается? Как будто его высшая память поглощена, но не полностью, а частично.

С каждой секундой все больше вопросов! Надо попробовать все выяснить.

– Хочешь, чтобы я ушла, ответь на мои вопросы! – Требую я. – Объясни, кто ты и как понял, что я не рождалась в этом теле?

Естественно, в моей голове нет мыслей покончить с собой. Я так говорю только для того, чтобы побольше узнать о мировоззрении охранника. О том, кто он и как ему удалось определить, кто я.

– Я знаю, как ты мыслишь сейчас! – Отвечает охранник. – Думаешь о том, что все души в итоге возвращаются туда, откуда пришли...

Я чувствую, как мои глаза стали шире. Они распахнулись от очередного удивления. Он что? Читает мои мысли?

– Думаешь, это я не все помню? – Продолжает он. – Ничего подобного! Это твоя память повреждена. Нельзя пройти в твердый мир и сохранить ее полностью.

Теперь я пугаюсь по-настоящему. Его речь заставила меня усомниться в своей высшей памяти. А вдруг, когда я пересекла границу твердого мира, часть моей памяти действительно потерялась? Вдруг есть информация, которая в принципе не может быть доступна душе, пока та находится в твердом мире? Но тогда откуда он об этом знает?

– Что это все значит? – Спрашиваю я через паузу.

– Убей себя и вспомнишь. Это единственный шанс! – Говорит он, после чего отворачивается и уходит на свое рабочее место.

Я стою босиком на полу, со своими неудобными туфлями в руках, и смотрю ему вслед. Мне хочется его догнать и обо всем расспросить, но я чувствую, что ответов получить не удастся. Поэтому ищу объяснения в своей высшей памяти.

Может он душевнобольной? В этом мире у душевнобольных сознание настроено немного иначе, нежели у обычных людей. Они видят не совсем этот мир, а лишь его часть, а другая часть – это, как правило, отрывки схожих измерений или их параллельных жизней.

Скорее всего сознание охранника, помимо нынешней жизни, улавливает какое-нибудь другое его воплощение... А те "они", о которых он говорил, скорее всего – это кто-то из других его жизней. Конечно! Так и есть!

И меня он обнаружил из-за своего искаженного восприятия! Как же я сразу этого не поняла? Наверное, моя высшая память тоже уже начинает сбоить.

Несмотря на идеальное объяснение, которое я для себя нашла, что-то мне подсказывает, что все совершенно не так, но я решаю не заморачиваться. Все равно, без его объяснений, правды мне не узнать, а бегать за этим ненормальным и выпытывать ответы я не собираюсь. У меня сейчас другая задача.

Тут до меня доходит, что пока я переживала этот неприятный разговор с душевнобольным человеком, личность Илоны Фет, как будто, отсутствовала. После того, как я перестала испытывать страх, я ни разу не подумала ее мыслями и ни разу не вообразила ее образами. И до сих пор этого не происходит. Хотя эмоции раздражения явно от нее.

Что же получается? Пока личность Илоны Фет пытается поглотить мою высшую память, моя высшая память пытается подавить личность Илоны Фет? Интересно! Такого со мной точно еще не случилось! Но это и не желательно. Я все-таки хочу изменить судьбу генетического персонажа изнутри его личности.

Еще немного постояв без движения, я поняла, что пора отложить все рассуждения и продолжить делать то, чем я занималась до этого – учиться быть счастливой.

Надев туфли обратно, я наконец-то дохожу до магазина и начинаю примерять все, что мне нравится. В какой-то момент я понимаю, что мозоли перестали ныть и мне больше не больно наступать на ноги. Опустив голову, я замечаю, что все мозоли исчезли. Не может быть! Насколько я помню, в этом твердом мире должен пройти хотя бы день, чтобы процесс заживления достиг такой стадии! Да и то в редких случаях. Обычно времени проходит еще больше.

Неужели это из-за моего подселения? Может пока не поглощена моя высшая память, часть моих высших энергий остается свободной и создает более благоприятные условия для моего существования? Если да, то как душе, мне это не нравится.

Конечно, я хитрила с самого начала, рассчитывая на свою высшую память, но я же не собиралась долго ей пользоваться. Я просто хотела немного себе помочь, а потом честно дожить эту жизнь, как полагается – в тех же обстоятельствах, в которых жила предыдущая душа. А теперь есть риск, что обстоятельства будут меняться, подстраиваясь под меня... А это не тот опыт, который мне нужен! Такого опыта у меня и так навалом, благодаря другим, более тонким, мирам!

Сюда я пришла, чтобы перевоспитать эту личность в условиях твердого мира! И я хочу это сделать именно так! И никак иначе!

Да уж! Еще даже полдня не прошло, а я уже успела испугаться, что личность поглотит мою высшую память слишком быстро, а потом, что моя высшая память не позволит личности ее поглотить. Сначала мне не понравилось, что мне трудно выживать в условиях этого тела, а потом то, что эти условия могут подстраиваться под меня. От таких биполярных мыслей явно пахнет человеческой натурой. Ну хоть это радует!

Поразмыслив еще какое-то время, я решаю, что во всем виноват душевнобольной охранник ТЦ. Он выбил меня из колеи личности Илоны Фет и из-за этого я словила побочку. Но теперь все будет, как и планировалось.

Я откидываю свои переживания и наконец-то выбираю себе самые удобные туфли без каблука.

Глава 4

Продолжая идти незнамо куда и больше не чувствуя никаких отрицательных ощущений, я активно обдумываю все, что произошло после моего подселения. Интересно, куда делись терзания моей новой личности? Почему ее мысли больше не мучают мой мозг? Навряд ли она перевоспиталась за такое короткое время!

Начиная прокручивать разные воспоминания из жизни Илоны Фет, я понимаю, что они как будто потускнели, и больше не вызывают во мне никаких эмоций. Бросив себе вызов, я специально вспоминаю дверь в детскую, ожидая хоть какой-нибудь реакции от своего нутра, но воспоминание проносится в голове, как какая-то отдельная от меня картинка и никак не задевает мои чувства. При этом, когда я вспоминаю разговор с душевнобольным охранником в ТЦ, я как будто опять оказываюсь там, и переживаю все тоже самое, что пережила тогда.

Получается, теперь на меня влияют только те ощущения, которые я обрела самостоятельно? И прежняя Илона Фет больше не может взрывать мне голову своими противоречивыми мыслями? Но как же так вышло?

Анализируя ситуацию, я прихожу к выводу, что эмоции и чувства личности – это трансформированные энергии души, и покидая тело, она забирает их с собой. Но поскольку в этом мире все происходит с задержкой, энергии уходят не сразу, а постепенно, и когда я подселилась в Илону Фет, какая-то их часть еще оставалась в этой оболочке и перемешивалась с моими... А теперь их уже нет. Поэтому воспоминания, накопленные бывшей душой на меня больше не действуют, а те, которые начала копить я – осязательные.

Но так даже лучше! Теперь я просто воспитаю новую личность с новыми жизненными устоями, и после того, как она поглотит мою высшую память, останусь жить счастливой. Главное, чтобы все проходило по-человечески – без всяких необъяснимых исцелений, типа внезапного исчезновения мозолей, как в ТЦ! И без других чудес, которых не должно быть в этом мире.

В остальном все даже очень прекрасно. Получается Илона Фет может стать счастливой хоть прямо сейчас!

Осознав, что теперь мне не обязательно тратить время на поиск радостей на стороне, потому что прежняя личность мне больше не мешает, я решаю сразу приступить к глобальному изменению своей жизни. И начало таким изменениям должно быть положено в моем доме!

Хочу, чтобы после поглощения высшей памяти, я получала удовольствие от места, в котором живу – меня должно все там радовать. А значит я еду обратно!

Я собираюсь вызвать такси и отправиться домой. Теперь во мне нет никаких противоречий и сомнений – я просто достаю смартфон, открываю приложение и почти нажимаю кнопку вызова, как вдруг слышу прекрасную мелодию скрипки, в звуках которой хочется утонуть. По ощущениям это что-то высшее. Как будто не из этого мира.

Опустив руку со смартфоном, я оборачиваюсь и вижу молодого парня в рваных джинсах и белой футболке. Он играет на скрипке, примерно, в пятнадцати метрах от меня. Вокруг него белое свечение, берущее начало внутри его тела и распространяющееся далеко за телесные пределы. Он прекрасен. И его музыка прекрасна. Только... Что это за свечение?

Неужели энергии моей высшей сути повлияли не только на мое тело, исцелив его, а еще и на мое человеческое зрение? Неужели теперь я буду видеть не так, как обычные люди, а как некая высшая сущность? Буду созерцать души, а не тела? Плохо! Такого зрения у людей не бывает, значит я не могу считать себя человеком... Тогда моя цель уже провалена! Нечеловеческое существо не может обрести человеческое счастье... Как бы оно не старалось.

Вздыхнув, я перевожу взгляд на других людей, которые стоят рядом с парнем и слушают его музыку. Стоп! А у них свечения нет! Они обычные! Значит это свечение не его душа, а

что-то другое! Значит мое восприятие все-таки не так сильно отличается от человеческого, как я подумала. Конечно, видеть всякие ауры тоже не совсем нормально для людей этого мира... Но по крайней мере такие способности здесь приемлемы – они называются экстрасенсорикой. Хорошо! Тогда можно продолжать действовать по своему плану.

Парень перестает играть и делает паузу. В этот момент свет вокруг него становится тусклее, а потом и вовсе рассеивается, однако, когда он начинает снова, свет возвращается.

Понятно! Это творчество! Творческие энергии – самые высокие энергии, доступные твердым мирам. И когда человек с ними контактирует, он буквально растворяется в них, поэтому начинает светиться, облагораживая себя и все вокруг.

Решив не отказывать себе в удовольствии и послушать его игру, я подхожу поближе и смешиваюсь с толпой. Теперь я стою прямо перед ним, но из-за свечения не могу разглядеть лицо. Однако сейчас это не важно – внутри столько восторга от музыки, что все остальное отходит на десятый план. Все-таки чувствовать творчество через человеческое тело самое лучшее, что может случиться с душой в твердом мире. Только ради этого можно рождаться здесь снова и снова.

Парень делает очередную паузу. Все хлопают. Он перестает светиться и мне становится четко виден его человеческий облик. Я его знаю! Это Леон! Старший сын из почетной семьи Альт. По совместительству будущий муж моей старшей дочери Роксаны. Мы с Игорем договорились об их браке с семейством Альт, когда выяснилось, что у меня будет девочка, хоть на тот момент она еще и не родилась, а Леону было всего два года.

Собственно, в надежде объединиться с этой семьей, родители Игоря и потребовали от нас ребенка, сразу после заключения брака. А когда я забеременела и узнала пол, они тут же отправили нас с мужем договариваться с родителями Леона о браке.

Альты – одна из самых финансово-обеспеченных и мощных почетных семей, однако из-за того, что у них почти всегда рождаются только сыновья, многим приходится оставаться одинокими из-за нехватки невест. Потому что молодой человек из почтенной семьи не может взять в жены обычную девушку, а только из такой же почетной семьи. А подобных семей не так уж и много, и чтобы не допускать кровосмешения, сыновьям Альт часто приходится отказываться от брака.

Поэтому, когда мы с Игорем пришли к ним с предложением руки своей будущей дочери, они были счастливы. Но на одном браке история не закончилась.

В день рождения Роксаны, родители Игоря предупредили, что следующий ребенок должен появиться как можно быстрее, потому что у Альтов случилось чудо и тоже родилась девочка – двоюродная сестра Леона. В знак благодарности за предыдущий договор о браке, они готовы сделать ее женой семьи Клин. Из-за этого, сразу же после восстановления, мне пришлось носить следующего ребенка Клинов.

Конечно, был риск снова родить девочку, но тогда бы она, как и Роксана, вышла за какого-нибудь из сыновей Альтов.

Ко всеобщему счастью родился сын – Ратибор. Я его не хотела, как и Роксану, но была рада, что он мальчик, потому что думала, что после этого от меня отстанут и мне больше не придется делить постель с Игорем, и вынашивать его детей.

На какое-то время мне действительно удалось избавиться себя от этих мучений! Ненадолго конечно... Но все же!

А теперь прошло много лет. Через два года, когда Роксане исполнится восемнадцать и она выйдет замуж за Леона, нам с Игорем тоже предстоит участвовать в подобном безумии. Определять с какими почетными семьями необходимо объединяться и заставлять ее рожать.

Неожиданно меня накрыло непонимание... В почетных семьях уже много столетий все живут по одним и тем же традициям. Так почему из всех генетических персонажей в их истории, никому не удавалось сделать счастливой именно Илону Фет? По идее каждый человек

из этих семей, априори рождается с несчастной судьбой, но получается, что каждого из них, какая-то душа умудрялась сделать счастливым? В таких условиях? Что-то здесь не так!

Пока я размышляю, Леон замечает меня в толпе и от страха роняет скрипку. Понимаю! По правилам почетных семей, ему не подобает играть на улицах, да еще и в таком виде. Если бы он был несовершеннолетним, его бы ожидало строгое наказание за свой поступок, но ему уже восемнадцать лет. И единственное, что его семья может с ним сделать – это похоронить.

Да, взрослой человек из почтенной семьи, обязан соблюдать правила, иначе в семье ему не место. При этом изгнание из семьи – неприемлемо, оно считается страшным грехом. Поэтому всех непокорных незамедлительно хоронят, объясняя это тем, что так их души смогут быстрее переродиться в одном из следующих поколений их рода и прожить более достойную жизнь.

Бред полнейший. Как душа, я знаю, что в их мировоззрении нет ничего правдивого. По сути, они просто убийцы-психопаты, которые не приемлют нарушения своих правил. Но им невозможно этого объяснить. Они многие века так делают, несмотря на то что каждый, кто совершал подобные убийства, наверняка сам тоже изменял традициям. Просто не попался.

Как мой муж!

Если кто-то из наших семей узнает, что Игорь спит с домработницей, ему конец. И я много раз думала о том, чтобы рассказать, но моя предыдущая версия всегда приходила к выводу, что традиции семьи она ненавидит больше, чем своего мужа. Поэтому ему повезло быть не раскрытым.

А вот моей старшей сестре – Анне Фет – не повезло. Она тоже должна была выйти за Альта, но когда мне было шесть, а ей пятнадцать, она влюбилась в мальчика из школы и они тайком стали встречаться. Если бы их заметили тогда, то ее бы наказали, но она хотя бы осталась жива. Однако, они удачно скрывались от глаз все три года, а в день своего восемнадцатилетия, она заявила, что не собирается выходить за Альта, потому что любит другого. Это был последний день ее жизни.

Мы с братьями были еще маленькими, но нас тоже привели на ее похороны, чтобы мы запомнили, что нарушать правила семьи нельзя. Ужас, поселившийся в Илоне Фет в тот день, сопровождал предыдущую душу, пока она не покинула тело. Я рада, что не могу его почувствовать, потому что помню, крики из опускающегося гроба, и представляю, как бы эти воспоминания сводили меня с ума.

И теперь, заметив Леона в городе за таким занятием, я обязана расторгнуть их брак с моей дочерью и сообщить обо всем его семье, тем самым подписав ему смертный приговор. А моя дочь должна стать преждевременной вдовой и посвятить всю свою жизнь работе, пополняя бюджет семьи Клин. В случае ее отказа, мы с Игорем должны будем сделать с ней тоже самое, что и родители Леона с ним. А если не станем, то избавятся и от нас.

Печально! Но прежняя Илона Фет так бы и поступила. Она бы сразу позвонила его матери и рассказала о том, что произошло.

Но я уже не она. Я не буду подставлять этого талантливого ребенка, который имея такую тягу к высшим энергиям, вынужден прятаться, чтобы с ними соприкоснуться.

Тем временем Леона начинает трясти. В его глазах читается страх перед собственной кончиной. Я подхожу, поднимаю скрипку и отдаю ему в руки.

– Не переживай. – Тихо говорю я. – Я никому не расскажу.

Он безмолвно кивает головой. Наблюдая шок на его лице и понимая, что сейчас он в таком же состоянии, в котором была я, беседуя с охранником ТЦ, я прихожу к выводу, что лучше просто удалиться и оставить его в покое.

Отвернувшись, я делаю шаг в сторону дороги, и слышу за своей спиной голос Леона.

– Почему?

Я поворачиваюсь обратно и улыбаюсь.

– Не важно. Главное продолжай делать то, что ты любишь!

После этого я уйду и вызываю себе такси.

Уже из машины я вижу, как Леон уходит с того места. Несмотря на мое одобрение, навряд ли он когда-нибудь еще выйдет играть на улицу. Думаю, он понял, что это слишком рискованно, ведь в любой момент может встретить кого-нибудь, не столь доброжелательного.

Глава 5

Всю дорогу до дома я думаю о Леоне. О несчастном бедном парнишке, который запросто может лишиться жизни из-за того, что любит музыку и имеет потребность делиться ей с другими не только на сцене. Его испуганный и обреченный вид до сих стоит у меня перед глазами и вызывает целый букет разных чувств.

С одной стороны, мне очень жаль, что такой талант родился в одной из почетных семей, и каждый раз ради того, чтобы испытать хоть немного удовольствия, ему приходится рисковать жизнью. А с другой, я понимаю, что его душа сама выбрала это воплощение, значит ей нужен опыт выживания в таких обстоятельствах.

А еще я чувствую радость и гордость за то, что отпустила его. В каком-то смысле мой поступок – это чудо, ведь в наших семьях сочувствие и понимание – огромная редкость. Возможно, пока моя высшая память не поглощена, мне стоит заняться и этим вопросом – попытаться повлиять на традиции почетных семей и сделать их более человечными.

Главное, чтобы наша встреча с Леоном не выбила его из привычной колеи. Если его поведение резко изменится, Альты сразу же это заметят и начнут выяснять, что случилось. Тогда появится риск, что он проболтается и конец наступит и ему, и мне.

Не хотелось бы покидать тело столь долго и мучительно – в темноте, в маленьком пространстве, в одном положении... Надо бы запастись каким-нибудь ядом, чтобы в случае чего, не страдать перед выселением из тела, а сразу его покинуть.

Пока я планирую свою возможную смерть, такси доезжает до моего дома.

Поднимаясь по лестнице до квартиры, я придумываю, что буду делать в первую очередь. Возможно, стоит попробовать наладить отношения со своим мужем! Без эмоций прежней версии Илоны Фет, все мои реакции и состояния полностью под контролем, а значит у меня должно это получиться. Главное, чтобы Игорь не сопротивлялся моим новым порывам.

А может он и не будет против. Я так сильно ошарашила его с утра своим извинением, что скорее всего, он до сих пор об этом думает. Хорошо бы. В таком случае он сам будет искать возможности со мной пообщаться, чтобы узнать в чем дело.

Войдя в квартиру и застав Игоря на кухне, я понимаю, что я права – он до сих пор думает о том, что произошло утром. Если бы, не думал, то не сидел бы там, а, как обычно, спал с Асей – нашей домработницей, – пока дети не вернулись из школы и детского сада.

Заглянув на кухню, я молча отворачиваюсь, чтобы пойти в комнату переодеться, и вернуться к нему с разговором, но как только он меня видит, его терпение лопается.

– Стой, подожди! – Говорит Игорь и подскакивает со стула.

Я оборачиваюсь и смотрю на него.

– Ты что-то хотел? – Спрашиваю я.

Он зависает. Если верить памяти Илоны Фет, то я никогда не общалась с ним так вежливо.

Вдруг, в голове начинают прокручиваться моменты нашей совместной жизни, но теперь я воспринимаю их объективно. Как холодные факты. И эти факты говорят, что после нашей свадьбы мой муж много раз пытался наладить со мной контакт. Он не ненавидел меня. По крайней мере раньше.

В первые годы нашего брака, он постоянно предлагал поговорить и придумать что-нибудь, чтоб не страдать от традиций наших семей. Но я его не слушала. Я даже не пыталась рассмотреть в нем хорошего человека. Из-за того, что случилось с моей сестрой, мне в принципе был ненавистен брак, брачные традиции и все, что с ними связано. А Игорь был частью всего этого.

Он стал для меня таким же навязанным мужем, каким Альт был для Анны, и если бы я отказалась выходить за него, то и мне бы, как и ей, пришлось визжать в закопанном гробу до своего последнего вздоха.

У меня не хватало сил и осознанности признать, что Игорь ни в чем не виноват... Что он такая жертва семьи, как и я... И что у него тоже нет выбора. Собственно, как и тот Альт, за которого должна была выйти Анна. Это не они придумали традиции почетных семей и это не их решение хоронить всякого, кто им не следует.

Но прежняя Илона Фет считала иначе. И с самого начала она демонстрировала свою позицию.

Несмотря на то, что Игорь старался быть хорошим мужем и всегда шел мне навстречу, я не могла этого оценить. С самого начала...

Мы разъехались по разным спальням из-за меня! Он стал спать с домработницей и из-за меня! Он начал желать моей смерти из-за меня! Своим поведением я убила его хорошее отношение и его надежду на лучшую жизнь.

Однако, он вытерпел, когда я обращалась с ним, как с каким-то уродом-насильником, но, когда я стала обращаться с нашими детьми также, как мои родители обращались со мной – он не выдержал. Он сдался. Он стал ненавидеть меня так же, как я ненавидела его.

Но, судя по тому, как он отреагировал утром и как реагирует сейчас, его надежды умерли не полностью.

– Да... Хотел... – Наконец-то произносит он после длинной паузы. – Я все думал про утро. Почему ты извинилась передо мной?

– Я...

Я собираюсь сказать все, как есть, но до меня доходит, что правда будет неуместна. Не могу же я заявить, что Илона Фет, которая была его женой – повесилась, а я новая душа, нелегально проникшая в ее тело, с целью прожить счастливую жизнь... Но и врать не особо хочется. Все-таки в этом мире, искренность имеет особую силу – она освобождает людей от ментальных тягот и позволяет им двигаться вперед.

– Я поняла, что была не права... – Начинаю хитрить я. – Все это время...

– И почему же ты так решила?

Игорь пристально смотрит на меня. По нему видно, что он нацелен на долгий разговор и не собирается довольствоваться краткими, уклончивыми ответами. Но я уже понимаю, что и как надо говорить, чтобы и не соврать и в то же время не раскрыть всей правды.

– Утром я повесилась на карнизе. Но пока задыхалась, все мои мысли вдруг изменились, и я передумала умирать. И вылезла из петли. После этого мне все стало казаться другим.

Не зная, что ответить, Игорь снова берет паузу. Я вижу, что теперь он шокирован еще больше, чем прежде. Не удивительно. Мы с ним никогда не вели конструктивных диалогов – я всегда язвила и никогда не отвечала на его вопросы.

– И каким? – Наконец-то продолжает он. – Каким тебе все кажется?

– Не таким угнетающим. – Отвечаю я. – Я больше не чувствую ненависти ни к тебе, ни к нашим семьям. И...

Я вздыхаю. Сейчас надо сказать нечто такое, чтобы расположить его к себе. Но сможет ли он мне поверить после семнадцати лет моих выходов, хамства и истерик? Однако, если решился на разговор, наверное, сможет.

– И? – Повторяет он.

– И мне очень жаль, что я так себя вела и плохо к тебе относилась...

Игорь трет лицо руками и отворачивается. Я не понимаю, что он чувствует. Если до этого был шок, то сейчас, наверное, просто смятение. Или он ожидает подвоха? Хотя о каких подвохах может идти речь в семье, такой, как наша? Тут даже за мысль о подвохе можно оказаться в гробу.

– И что теперь ты хочешь сделать? – Спрашивает он.

– Теперь я хочу того, что когда-то предлагал ты. Попытаться не жить, как в аду. Традиции наших семей все равно не изменяться, мы и так и так будем жить вместе, пока не умрем. И всегда будем делать то, что от нас требуются. Но в нашем доме еще может быть мирно.

Игорь поворачивается обратно и снова смотрит на меня. Мне кажется, что в его глазах появилась надежда, но полной уверенности в том, что это так, у меня нет.

– Мне нужно привести мысли в порядок! – Говорит он. – Давай продолжим позже.

– Хорошо. – Киваю я. – Тогда я тебя оставлю.

Удалившись в свою комнату, я сажусь на кровать, а потом опрокидываюсь на спину и смотрю в потолок.

Получается! У меня получается налаживать жизнь Илоны Фет. Не прошло и дня, а я уже наладила контакт со своим мужем и с будущим мужем моей дочери. Теперь надо дожидаться, когда приведут детей и продолжить в том же духе. Думаю, теперь мы с Игорем сможем повлиять и на их жизнь, сделать ее лучше и проще.

Он и так всегда пытался вести себя с ними не строго, но ему приходилось считаться с моим мнением. А я предпочитала передавать все полномочия по воспитанию специально обученной няне, которая хуже чем наши с Игорем родители вместе взятые – ее наказания за непослушание всегда выполняются четко и полностью, без поблажек и сожалений.

Но сегодня, после того как она приведет младших, я скажу ей идти домой. Вот дети удивятся! И Игорь тоже.

Какое-то странное чувство родства... Когда я говорила с ним без эмоций прежней Илоны Фет, мне было так хорошо и спокойно... Такое может быть только в двух случаях – если души до рождения договариваются быть друг другу опорой или если души в принципе являются родственными, то есть прожили множество жизней рядом.

Может ли быть такое, что у прежней души Илоны Фет была договоренность с душой, воплощенной в генетическом персонаже Игоря? По идее может, но... Я ведь уже не та душа... Значит договоренность обнулилась. Получается, что его душа сама по себе родственная мне? Но тогда я должна об этом помнить. Я же еще не поглощенная. Моя высшая память при мне! Но я не помню.

До меня доходит, что я понятия не имею сколько моих родственных душ воплощено в этой версии мира и времени. И есть ли такие вообще. Но я должна это знать, потому что из межпространства всегда видно, если кто-то близкий находится в воплощении в том же самом мире. А я не знаю. Как же такое возможно? Неужели моя память все-таки повредилась при подселении? Или при входе в сам мир?

Я вскакиваю на ноги и начинаю ходить по комнате. Не помнить про такую важную и очевидную вещь, как присутствие родственных душ рядом с собой, при наличии высшей памяти – невозможно! Но это происходит прямо сейчас. В голову лезет воспоминание о разговоре с охранником ТЦ, говорящем, что моя память повреждена. Но как такое получилось? И...

Раз он оказался прав по поводу памяти, то и все остальное тоже может оказаться правдой.

Постепенно в памяти появляются и другие обрывки нашего разговора, например, о том, что если какие-то они меня заметят, то я пожалею о своем поступке. Или о том, что я не смогу вернуться в межпространство...

Мое нервное состояние усугубляется с каждой минутой до тех пор, пока я случайно не останавливаю свой взгляд на окне, в которое любовалась утром.

Что я делаю? Я действительно поддаюсь негативным эмоциям в то время, как мне надо вырастить новую личность? С такими темпами она станет точно такой же, как и личность предыдущей души и будет страдать до конца своих дней. Я должна успокоиться и сконцентрироваться на своей цели. Ну и что, что я забыла что-то о внеземной жизни. Мне в любом случае

предстоит забыть о ней все! Это нормально! Просто нужно продолжать быть осознанной, как можно дольше, чтобы создать больше шансов на свой успех.

Однако, с охранником все равно стоит встретиться еще раз. Как минимум надо узнать о ком он говорил. На всякий случай. Чтобы не попасться. А про межпространство... Думаю он все же ошибся. Ну не может душа не вернуться туда после смерти своей оболочки. Это бред.

Глава 6

Мои бушующие мыслительные процессы отвлекает звук открывшейся входной двери в коридоре – это няня возвращается с младшими детьми. Находясь в комнате, я слышу, как они заходят в квартиру друг за другом и начинают медленно раздеваться.

По моему внутреннему состоянию пробежала грусть. Они еще такие маленькие, но уже лишены нормальной жизни, потому что измучены нашими правилами.

Моему Алексею всего лишь десять, он учится в четвертом классе, Ксении семь и она в первом, Ульяна и Устина еще ходят в детский сад, им пять и четыре. И они все уже забиты донельзя.

Роксана и Ратибор пока еще не пришли. Они освобождаются позже и добираются домой самостоятельно, потому что учатся уже в старшей школе. Но привилегия ходить без няни дана им до тех пор, пока они соблюдают все, как надо. Если хоть раз случится такое, что кто-то из-них опоздает, со следующего же дня няня начнет водить до школы и их, что явно вызовет насмешки одноклассников из обычных семей. Поэтому они делают все, чтобы такого не случилось.

Ну ничего. Через два года Роксана выйдет замуж за Леона и сможет ходить, где хочет и сколько хочет. А через три и Ратибор женится. Надо с ними поговорить и подсветить эти плюсы, а то, смотря на нас с Игорем, они, наверное, думают, что в браках почетных семей существуют только страдания.

Пока младшие дети переодеваются в своих комнатах я иду в гостинную, где няня будет отчитываться нам с Игорем, как они себя вели на протяжении дня. Потом мы будем звать детей по очереди к нам, чтобы они тоже рассказали, как прошел их день самостоятельно, но все равно в присутствии няни. Так в наших семьях приучают к честности и дисциплине. Чтобы они не вздумали врать. Если ребенок плохо себя вел, его необходимо за это наказать, чтобы в дальнейшем он боялся даже подумать о недопустимом поведении.

Мои дети обычно хорошо себя ведут. Я уже и не помню, когда кого-то из них наказывали... Правда, раньше я не особо обращала на это внимания, предпочитая оставаться в стороне, пока над ними издевается няня или наши с Игорем родители. Делала вид, что мне все равно, а в глубине себя, надеялась, что наказание поможет им понять, как поступать нельзя и они не повторят судьбу моей сестры.

Сам Игорь, кстати, тоже никогда их не наказывал. Изначально я думала, что ему это параллельно, но с нынешней точки зрения, мне кажется, что он в принципе против такого обращения, но не препятствовал наказаниям из-за меня... Теперь же мы больше не позволим воспитывать наших детей подобным образом. Чтобы ни случилось! Я уверена!

Мы с Игорем сидим на диване рядом друг с другом, а на кресло напротив присаживается Рената – наша няня. Смотря на ее вид, я задаюсь вопросом, как вообще у почетных семей могут быть работницы, которые выглядят так, как выглядит она. Безвкусная серая юбка, выцветшая пестрая блузка, злобное сухощавое лицо с морщинами, а сама как скелет обтянутый кожей.

В моем детстве у нас с братьями и сестрой тоже была такая же отвратная няня, только толстая. Моя мама объясняла ее вид тем, что вся прислуга почетных семей должна выглядеть дешево и безвкусно, чтобы было понятно, кто есть кто. Но мне до сих пор это кажется глупостью. Как и все, что происходит в наших семьях.

– К сожалению, сегодня у меня для вас плохие новости. – Говорит Рената строгим противным голосом.

Мне не нравится ее посыл. Я понимаю, что не хочу ничего от нее слышать, но, к сожалению, заткнуть ей рот и выгнать – нельзя.

Краем глаза я вижу, как Игорь повернул на меня голову. Наверное, после нашего разговора, он хочет понять, как я отреагирую на ситуацию на этот раз. Соглашусь ли я на наказание или нет. Я тоже на мгновение перевожу взгляд на него, чтобы показать свою вовлеченность, но тут же отвожу глаза обратно.

– Что же случилось? – Спрашиваю я у няни.

Глаза Ренаты стали немного шире. Она удивлена, что вопрос задан мной, так как обычно в таких ситуациях диалог ведет только Игорь, а я, как правило, вступаю в конце, с репликой, что согласна на ее предложение по поводу выбранного наказания.

Шок со стороны Игоря тоже ощущается. Он до сих пор не верит в мои изменения.

– Эээ... – Зависает Рената, но встряхнув голову продолжает. – Мне самой не верится, что такое произошло, но сегодня Алексей избил двух первоклассников. Как вы понимаете, это недопустимый и непростительный проступок.

– Избил? – Переспрашивает Игорь. – Это несомненно неприятная ситуация, но думаю, что на то была причина.

Глаза Ренаты становятся еще шире. Ранее мой муж никогда не оправдывал наших детей, он просто выслушивал и задавал уточняющие вопросы. Однако сейчас, чувствуя мою поддержку и готовность быть с ним на одной стороне, его поведение тоже изменилось.

– Это не важно! – Голос Ренаты становится еще строже. – Какие бы ни были причины, проступок совершен и ваш сын должен столкнуться с определенными последствиями.

Как же мне не нравится ее тон! И она сама! Да ее не то, что к детям, ее к людям подпускать не стоит.

Я режу ее глазами, надеюсь, что она прочувствует мою ненависть и задохнется в ней, но эта наглая нянька, как будто приняла вызов, и посылает такую же ненависть в мою сторону.

– Давайте, все же позовем Алексея и узнаем в чем дело! – Неожиданно произносит Игорь, пытаюсь немного разрядить обстановку, но мое желание придушить суку, сидящую напротив, никуда не девается.

– Хорошо! – Отвечает Рената. – Но, прошу не забывать, что то, что он скажет, не важно! Он все равно должен хорошенько получить за свои действия.

Какая же она тварь! Вот бы ее подвергнуть всем наказаниям, которые она когда-либо придумывала для моих детей. Ненавижу ее.

Игорь зовет Лешу.

Через минуту в гостинную входит мой сын в домашних шортах и футболке. На его лице застыли такие же ощущения, как у Леона, когда тот, меня заметил – страх, безысходность и желание убежать.

Теперь я понимаю, почему личность, которую воспитала предыдущая душа, пыталась оградить себя от всех чувств связанных с детьми. Потому что души в детских телах еще не осквернены грузом личностного негатива. Они трогательные, искренние и глубокие, даже если уже потеряли высшую память. Из-за этого все их переживания глубже, а боль от этих переживаний острее и жестче. Исцелить такую детскую боль могут только два человека – родители, но для этого им необходимо пропустить ее через себя.

Прежняя Илона Фет не могла этого сделать. Она боялась прикасаться к боли своих детей, потому что её собственную боль тоже никто не исцелял. Она не могла допустить, что у ее боли прибавится еще чья-то. Даже на время. Для нее это было невыносимо.

Для меня это тоже будет невыносимо, но я не она. Я ограждаться не буду. Я заберу боль своих детей и испарю ее. Я исцелю их.

– Алексей! – Говорит Игорь. – Расскажи нам, что сегодня произошло.

Сын встает между диваном и креслом так, чтобы всех было видно. Спрятав трясущиеся руки за спиной и виновато опустив голову, он глубоко вздыхает перед тем, как начать свое оправдание, но тут же его перебивает эта омерзительная нянька.

– Встань нормально, пожалуйста. Спину ровнее! Руки из-за спины вытащить! Быстро!

Моргнув несколько раз, Алексей неуверенно вытащил руки из-за спины и выпрямился. Как же ему страшно здесь находится! Это ужасно! Мне хочется встать с дивана, подойти и обнять его. Хочется сказать, что все в порядке и что ему ничего не будет. Хочется дать ему понять, что я останусь на его стороне в любом случае и что никакая нянька-тупица не будет придумывать ему наказание. Но чтобы так сделать, нужно подождать. Нужно ввести в заблуждение эту самую няньку, чтобы она не доложила о случившемся родителям Игоря или моим. Поэтому я жду, пока наш фарс закончится, одновременно придумывая, как вытащить моего мальчика из этой ситуации.

– Два мальчика из Ксюшиного класса отняли ее пенал и кидали его друг другу. Ксюша бегала за ними и просила вернуть, но они не отдавали. Она заплакала. Я увидел и отнял у них пенал, и отдал Ксюше.

– А почему Рената говорит, что ты их избил? – спрашивает Игорь.

– Да-да! – Встревает Рената. – Почему учительница сказала, что ты их избил?

– Не бил я их! – Крикнул Алексей. – Я схватился за пенал, а они не отдавали, вот я и толкнул одного, а он упал на другого. И учительница это видела. – Алексей посмотрел на Ренату. – И вам она так сказала! А вы обманываете!

В этот момент во мне одновременно вспыхивает страх и гордость. Я очень боюсь, что после такого заявления нянька все-таки доложит обо всем нашим с Игорем родителям, но горжусь, что мой десятилетний сын, несмотря ни на что нашел в себе смелость рассказать все, как было.

– Как ты смеешь? – Взрывается Рената и вскочив с кресла берет его за локоть. – Будешь отвечать еще и за это!

Когда она прикасается к Алексею, у меня появляется невыносимое желание вцепиться ей в волосы и разбить ее лицо об стену. А потом сделать с ней то, что делают с непослушными членами почетных семей – похоронить заживо. Она точно этого заслуживает больше, чем кто-либо из нас.

Рената трясет его за локоть точно так же, как меня тряс охранник в ТЦ. Я вспоминаю эти болючие ощущения и в то же время, вижу, как мой сын сжимает зубы от боли, но продолжает молча терпеть.

Это последняя капля! Я резко встаю, чем обращаю на себя внимания всех в комнате. Игорь, понимает, что если он сейчас же меня не остановит, то ситуация закончится плачевно абсолютно для всех, кроме Ренаты.

– Не надо! Не сейчас! – Игорь так же быстро встает, берет меня за плечи и усаживает обратно. – Помнишь, что мы обсуждали? Давай придерживаться плана.

Я смотрю ему в глаза и решаю слушаться, хоть сама не понимаю, как можно придерживаться каких-то планов, когда на наших глазах происходит несправедливое зверство по отношению к нашему ребенку! И еще я не понимаю, как Игорь собрался выкручиваться.

– Рената! – Обращается он к няньке, которая застыла в одной позе, так и держа локоть Алексея. – Ты, наверное, заметила, что сегодня мы ведем себя иначе! Так вот. Сегодня мы с Илоной поговорили и пришли к выводу, что нам пора учиться самим наказывать детей. Все-таки наша старшая дочь Роксана через два года выходит замуж и нам надо будет контролировать ее семью. Но чтобы делать все правильно, не преувеличивать и не преуменьшать, нам необходимо выслушивать разные стороны, чтобы набраться опыта. Это у тебя он есть, а мы, как ты помнишь, ни разу не участвовали в воспитании своих детей по-настоящему. Поэтому... Ты нам скажи, как его наказать, а мы сделаем это сами.

Рената продолжает пристально смотреть на Игоря исподлобья, после чего переводит взгляд на меня.

– И чего же вы хотели сделать, когда подскочили?

Я понимаю, что теперь пути назад нет и продолжаю поддерживать ложь своего мужа.

– Хотела дать ему пощечину и заставить перед вами извиниться! – Скрипя сердцем, отвечаю я. – Но мы с Игорем договаривались, что начнем свое перевоспитание без чьей-либо помощи. Только в кругу семьи, чтобы никто не облегчил нам задачу. И так много лет потеряли со своими сомнениями.

Настроение Ренаты взлетает в одно мгновение.

– Значит я могу оповестить ваших родителей, что вы приняли на себя обязанности воспитания? – С легкой улыбкой спрашивает Рената, немного ослабляя хват и отпуская локоть Алексея.

– Да! – Отвечает Игорь. – Можете оповещать.

– Ну тогда отлично! – Выдохнув, нянька, окончательно отпускает Алексея, который продолжает пребывать в страхе, чем разрывает мое сердце.

Рената приказывает нам наказать его ледяным душем каждое утро и вечер, ограничить его в еде и отнять все средства развлечения на тридцать дней. Это самое безобидное наказание, которое мы когда-либо от нее слышали и вряд ли когда-нибудь еще услышим. Просто теперь она довольна! И подобное довольство в жизни няnek бывает только один раз – когда родители принимают обязанность наказывать своих детей за проступки самостоятельно. Потому что в этот момент нянька может побежать уже к их родителям и получить вознаграждение за благотворное влияние на семью.

Поверив, что мы не шутим, Рената больше не собирается задерживаться в нашем доме. Она даже забывает рассказать об остальных детях, а сразу же просит ее проводить, чтобы успеть заехать и к Клинам, и к Фетам и собрать с них свою награду.

Пока Алексей ждет нас в гостиной, мы с Игорем провожаем няню и останавливаемся в коридоре.

– Ты же понимаешь, что это из-за вознаграждения она не стала настаивать, чтобы мы наказали его при ней? Завтра она может явиться утром, чтобы проверить, как мы справляемся. – Говорит мне Игорь.

– Подумаем об этом позже! – Отвечаю я. – Давай пойдем к нашему ребенку!

Игорь пока еще не может спокойно реагировать на мое новое мышление и поведение. Когда я что-то делаю она начинает притормаживать и зависать. И вот сейчас он снова стоит, как вкопанный и молчит.

Поняв, что ему требуется пару минут для того, чтобы прийти в себя, я обхожу его и иду в гостиную.

Алексей по-прежнему стоит между диваном и креслом в той же позе. Я подхожу и становлюсь напротив. Он поднимает голову и смотрит мне в глаза, не ожидая ничего хорошего. Его кулаки сильно сжаты, только не для того, чтобы драться. А чтобы не сорваться и не заплакать. Мой сильный и смелый мужчина.

– Ты молодец! – Говорю я. – Ты все сделал правильно! Я тобой горжусь!

Лицо Леша меняется. Вместо храбрости и готовности терпеть, на нем появляются детские черты взрывающейся обиды. Он до сих пор пытается держаться, но его кулаки больше не сжимаются, а губа начинает подергиваться.

Мое дыхание учащается. Теперь мне ничего не угрожает и можно не сдерживаться, поэтому я подхожу к нему впритык и крепко обнимаю. Впервые в жизни почувствовав настоящую поддержку матери, Леша себя отпускает, и начинает плакать навзрыд. Я прижимаю его все сильнее и сильнее, целую в макушку и повторяю, что все будет хорошо, а он кричит все громче. Ему это надо. В моменте он тоже начинает меня обнимать.

Облегчение. Я рада, что мой сын может показать свои эмоции, не боясь, что его за это накажут. Я рада, что в моих силах дать ему такую возможность. Я рада, что прямо сейчас я с

ним и помогаю ему. И буду продолжать это делать. С этого дня ни один мой ребенок не будет страдать. Никогда!

Игорь стоит в дверях и, не веря своим глазам, наблюдает за нашими объятиями. Но Леша еще больше в это не верит. Его впервые обнимает мать.

Через несколько минут сын успокаивается и перестает плакать, но до сих пор меня не отпускает. Он боится, что если отпустит, то такого больше не повторится.

– Надо еще к девочкам зайти! – Наконец-то произносит Игорь. – Я уверен, что они тоже напуганы.

– Да, иду! – Отвечаю я и обращаюсь к Леше. – Поедем вместе?

Он кивает головой, но продолжает обниматься. Я улыбаюсь.

– Эй! Я обещаю, что буду обнимать тебя каждый день, пока ты сам не попросишь этого не делать!

– Правда? – Спрашивает Леша.

– Правда!

Он отпускает руки, и мы идем по коридору в комнату девочек.

Ксюша, Ульяна и Устина живут вместе. В той самой комнате, от которой я не могла отойти утром. Теперь прежней личности нет, но подойдя к двери я снова испытываю мощное чувство, только на этот раз надежду на лучшее и готовность бороться и защищать.

Как же странно все происходит! Предыдущая версия меня больше не владеет моими состояниями, но все, что я чувствую, все равно основывается на ее воспоминаниях. Я как будто беру безжизненные кусочки того, что было с ней, очищаю их от ее реакций и оживляю в себе. Только, к сожалению, реакции новой личности тоже не всегда удается контролировать. Как, к примеру, ненависть к этой няньке или страх того, что моя память повреждена. Трудно быть человеком.

На этот раз я без всяких сомнений готова протянуть руку и открыть дверь, но это делает Леша. Он воодушевлен тем, что происходит, и спешит обрадовать своих сестер, которые пока еще не знают, что все хорошо и готовятся к напряженному вечеру.

В комнате тихо. Ульяна и Устина молча сидят на своих кроватках и ждут, когда их позовут в гостинную. Ксения стоит по середине комнаты с таким же испуганным видом, какой недавно был у Леша. Моя бедная девочка! Она боится, что ее тоже накажут, ведь Леша раскидал первоклашек из-за нее. Но этого не будет!

– Ксюша! Нас не накажут! – Радостно кричит Леша, подбегая к сестре.

Дочь удивленно смотрит на брата и аккуратно поворачивает голову на меня и Игоря, стоящего рядом со мной.

– Не... Накажут? – Еле слышно произносит она.

– Нет! – Продолжает радоваться сын. – Мама сказала, что я не виноват! И что она мной гордится! А значит и ты не виновата!

Глаза Ксюши на мокром месте. Я вижу, как сильно она хочет поверить в то, что слышит, но у нее не получается. Она боится.

– Алексей прав! – Говорит Игорь. – Вы не виноваты.

Ксюша закрывает лицо руками и хлопает. Леша начинает ее обнимать, я подхожу и делаю то же самое. Мои младшенькие тоже быстро бегут к нам. В стороне остается только Игорь. Он стоит в своем обычном ступоре и просто смотрит на происходящее.

– Ну! – Говорю я ему, намекая присоединиться, но он смущенно отходит на пару шагов назад.

– Детям пора заниматься! – Выдавливает из себя Игорь. – Пусть домашние задания делают.

После этого он уходит на кухню.

Позволив себе понаслаждаться радостью своих младших детей, я все же оставила Лешу и Ксюшу делать домашние задания. а маленьких рисовать, и пошла ждать старших вместе с мужем.

Глава 7

Игорь стоит и смотрит на карниз, на котором я повесилась утром.

– Может мне тоже это сделать? – Неожиданно спрашивает он.

Я в шоке смотрю ему в спину.

– Не понимаю... Зачем?

– Ты после этого стала такой решительной! За один час сделала то, на что я пытался решиться семнадцать лет...

– Ты же понимаешь, что без тебя у меня ничего не получилось бы?

– Вот об этом я и говорю! – Игорь поворачивается ко мне. – Ты как будто совершенно другой человек! Поддерживаешь! Понимаешь! Не боишься! Если близость смерти так меняет человека, то мне тоже надо...

Не боишься? Он сказал “не боишься”? Конечно, боюсь! При чем прямо сейчас! Да я просто в ужасе от его идеи! Навряд ли какая-нибудь душа поджидает его смерти точно так же, как я поджидала смерть Илоны, чтобы оживить эту оболочку и занять ее! А значит он просто умрет! И оставит меня вдовой! Тогда все станет куда сложнее. Тем более... Он хороший человек и я не в коем случае не хочу его смерти. Надо срочно изгнать эти мысли из его головы!

– Это не так! – Говорю я. – Я боюсь! Очень боюсь!

– По тебе не скажешь!

– Да, потому что желание все изменить теперь сильнее страха, но и страх знаешь ли не сдается!

– И чего же ты боишься?

– Боюсь твоей идеи повесится! Боюсь, что теперь, когда я только открыла глаза, ты меня оставишь... Ещё боюсь, что мы не сможем придумать, как помочь Алексею и Ксении избежать наказаний, которые придумала Рената. И еще, что Роксана и Ратибор притворяются, что согласны вступать в брак, а на самом деле попробуют сбежать и их закопают заживо на наших глазах... И ещё много чего.

Проговаривая свои опасения, я ощущаю, как они превращаются в реальные страхи моей новой личности, и понимаю, что прочувствовала их так глубоко, что теперь мне от них не избавиться. Теперь я и правда жена и мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.